

Посвящается Диди, которая считает,
что женщины на «Холостяке» могли бы время от времени
и брюки надевать на коктейльные вечеринки.

Спасибо, что выбрала нас с папой в качестве своей семьи.

«Любовь слепа, влюбленные не видят
Творимых ими милых сумасбродств...»¹

**УИЛЬЯМ ШЕКСПИР,
«ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»**

«Нас всех бросали. Мы все влюблялись не в тех.
Мы все совершали ошибки. Однако мы все мечтаем о том,
что ждет нас в конце этого пути».

КРИС ХАРРИСОН²

¹ Перевод И. Б. Мандельштама. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Крис Харрисон — ведущий оригинальной американской версии реалити-шоу «Холостяк», а также «Холостячка», «Холостяк в раю» и других спин-оффов.

ПРОЛОГ

Франция, Париж

Десять лет назад

Блошинный рынок Клиньянкур расположен в северной части Парижа, на самой окраине, в нескольких кварталах от конечной остановки четвертой линии метро. Здесь архитектура города становится более обыденной, тем самым напоминая, что не весь Париж окутан многовековой романтической историей: во многих районах люди просто живут, работают, отводят детей в школу и покупают хлеб в типовых супермаркетах, а не в причудливых булочных.

Би отправилась на блошинный рынок за гостинцами для родных: маме подобрать кружева, а старшему брату Дункану — старые пластинки. Если повезет, удастся порадовать и себя: какие-нибудь гравюры или еще лучше — старинные детские книжки, в которых иллюстрации печатались отдельно и пришивались в конце; они с отчимом могли бы читать эти книжки новорожденному племяннику Би. Ее товарищи по программе обучения за границей с восторгом описывали свои находки на этом блошином рынке, поэтому она тоже решила туда заглянуть, хотя на потрясающие винтажные наряды, конечно, не рассчитывала. Би

и дома, в Америке, с трудом находила на себя одежду, что уж говорить о Париже, где почти немислимо встретить женщину, чью фигуру нельзя назвать «изящной».

Многолетний опыт помог Би отточить искусство оставаться незаметной, несмотря на крупную комплекцию, — надевать темную мешковатую одежду, не высовываться, не поднимать взгляда. Когда она только поступила в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, то испугалась, что в окружении грациозных худых калифорнийцев будет выделяться, как огромный прыщ на фарфоровом личике. Тем не менее благодаря заикленности местных на самих себе ей довольно легко удавалось оставаться в тени.

Однако в Париже, куда бы она ни пошла, ее всюду преследовали взгляды. Хотя очаровательный старинный город мигом стал любимым местом Би, она не могла избавиться от чувства, будто окружающие обращают на нее особое внимание, молча осуждают и предпочли бы не видеть ее вовсе; в частности, официанты и книготорговцы в тесных кафе и магазинчиках с узкими проходами, где Би приходилось протискиваться бочком с крайней осторожностью, чтобы ненароком не столкнуть чью-то тарелку с шоколадным круассаном, при этом пуская слюни на хрустящие пирожные, пропитанные маслянистой начинкой, которыми каждое утро лакомились тощие парижане, нисколько не боясь потолстеть. Всякий раз, когда Би заглядывала в кондитерскую за небольшим угощением, на нее бросали косые взгляды, а порой даже смотрели в упор, молча осуждая и словно говоря: «Гляди, до чего тебя довели твои угощения».

Впрочем, вдали от центра становилось проще. В районах у канала улицы расширились, а темп жизни

замедлялся. На больших бетонных парапетах у воды часто сидели студенты, смеялись и пили вино из бумажных стаканчиков. Клиньянкур походил на один из таких районов. Миновав несколько кварталов от метро до блошиного рынка, Би заметила, что на нее никто не обращает особого внимания — все погружены в собственные мысли и заботы.

Снаружи блошиный рынок состоял из задних стенок палаток — темных листов фанеры и гипсокартона, — которые вытянулись вдоль дороги на целый квартал. Би даже усомнилась, что этот рынок такой уж удивительный, каким его описывали товарищи, однако, найдя вход и едва ступив внутрь, она почувствовала себя Алисой, попавшей в Страну чудес — в мир совершенно иной, полный диковинок и волшебства.

Рынок представлял собой лабиринт с проходами, которые пересекались совершенно случайным образом — казалось, куда ни поверни, ты всегда попадешь на новую дорожку с рядами бесчисленных ящичков, забитых медными ручками, со стенами из старинных картин маслом и с катушками шелковых лент. Сами палатки не походили на временные сооружения: некоторые окутывал плющ, иные — гирлянды, а другие, с оштукатуренными стенами и деревянными полками, были завалены книгами в кожаных переплетах, такими пыльными, что казалось, они покоятся здесь десятилетиями. Бродя по лабиринту из лавок, Би чувствовала такой уют и спокойствие, будто вернулась в родные края, — ничего подобного она прежде не испытывала в Париже.

Она совершенно потерялась во времени и в какой-то момент внезапно заметила, что солнце уже начало опускаться, а продавцы потихоньку убирают товар. За

все это время она так и не подошла к торговцам одеждой, только у выхода ее внимание привлекла одна палатка, забитая множеством вешалок с накидками из тяжелой парчи, мягкого меха или шелка с тонкой вышивкой. Би окинула эти красоты вождедеющим взглядом, но не подошла, уверенная, что ни одна накидка здесь не способна объять ее тела, и, вместо того чтобы придать ей изящества, все они будут свисать со спины, как мокрое полотенце с плеч ребенка, играющего на пляже. Однако продавщица палатки — тощая, мужеподобная француженка лет шестидесяти в огромных черных очках — заметила ее заинтересованный взгляд и шагнула навстречу.

— *Vous désirez?*¹ — спросила она, вскинув бровь. У нее был глубокий, грудной голос.

— *Non, merci,* — отказалась Би с явным акцентом.

— А! Американка, — тут же перешла на английский продавщица, как обычно делали парижане при общении с иностранцами. — Как вас зовут?

— Биат'гиз, — представилась Би, произнеся имя «Биатрис» на французский манер, — но все зовут меня Би.

— *Enchantée*², Би. Я — Жанна. — Продавщица крепко пожала Би руку, и та сразу же прониклась симпатией к новой знакомой, от которой к тому же приятно пахло глинтвейном. — Скажите, Би, чей стиль вас восхищает больше всего?

В памяти тут же всплыли классические черно-белые фильмы, которые Би запоем смотрела в детстве по кабельному телевидению. В университете она даже взяла парочку курсов по киноискусству и ужасно об-

¹ Хотите примерить? (*фр.*)

² Приятно познакомиться (*фр.*).

радовалась, когда обнаружила в Париже старомодные кинотеатры с винтажными билетиками и красными бархатными креслами, в которых каждый день крутили классику американского кино (с французскими субтитрами, естественно). Би ходила туда всякий раз, когда удавалось выкроить свободный вечер, и наслаждалась возможностью сбежать от реальности в мир элегантных старлетов и остроумных диалогов.

Обдумывая вопрос Жанны, Би перебирала в голове любимых актрис: ей никогда не стать такой же элегантной, как Одри Хепберн из «Завтрака у Тиффани», или такой же статной, как другая Хепберн, Кэтрин, из «Воспитания Крошки». В самых смелых фантазиях Би могла уподобить себя скорее роковым женщинам из фильмов в стиле нуар, сочетающих в себе мягкость и жесткость, опасность и болезненную уязвимость. По мнению Би, стиль одной актрисы воплощал в себе этот образ лучше всего — той, которая умела с непринужденностью сочетать чувственные кружева и шелка с угловатыми солнцезащитными очками и пиджаками с острыми плечами.

— Может, прозвучит нелепо, — наконец ответила Би, смущенно опустив голову, — но мне всегда нравился стиль Барбары Стэнвик.

Жанна понимающе улыбнулась, при этом ее лицо покрылось мягкими морщинками.

— *D'accord! Un moment!*¹, — промурлыкала она, прежде чем исчезнуть за стеллажами. Послышалось копошение, стук вешалок, и несколько мгновений спустя продавщица появилась вновь, держа в руках плащ-накидку в пол из мягкого бархата изумрудного цвета, украшенную шелком и застегивающуюся на

¹ Поняла! Секундочку (*фр.*).

шее серебряной брошью в виде ландыша с крошечными бусинками речного жемчуга вместо цветков.

— Ух ты!.. — выдохнула Би.

Жанна накинула плащ на нее — ткань мягко окутала плечи и изящно опустилась на пол — и подвела к старому мутному зеркалу в полный рост. У Би перехватило дыхание — с отражения на нее восхищенно смотрела стильная незнакомка. Она никогда не носила шикарные платья «принцесс», не ходила на выпускной бал, даже уговорила родителей разрешить ей надеть джинсы на торжественное вручение дипломов (поскольку она все равно была в традиционной мантии выпускника — бордовой и похожей на палатку) и трижды неохотно натягивала на себя жуткие платья подружек невесты на свадьбы своих братьев. За всю свою жизнь ни один наряд, в который Би удавалось запихнуть свои телеса, не вызывал в ней подобных чувств.

— Сколько стоит? — вдруг раздался ее собственный сдавленный голос.

— Двести евро, — ответила Жанна, однако при виде паники на лице потенциальной покупательницы ласково спросила: — Сколько у вас есть?

Би открыла бумажник, в котором оказалось всего сорок евро и какая-то мелочь, причем на эти деньги ей предстояло питаться еще неделю. Она и так достаточно потратилась на подарки, а кредитка родителей предназначалась только для крайних случаев. Двести евро — сумма просто невообразимая.

— Мне очень жаль, — прошептала Би и начала стягивать с себя плащ, однако Жанна ее остановила, положив руку на плечо.

— Возможно, у нас получится договориться.

— Как? — недоуменно отозвалась Би.

— Я вам эту накидку подарю, а взамен вы будете гордо носить ее по всему Парижу и рассказывать каждому встречному о моей палатке, договорились?

— Что? — пораженно ахнула Би. — Нет, я не могу принять...

— *Bien sûr*, конечно, можете. — Жанна ловко стянула плащ с плеч Би и сорвала самодельную бирку. — Положить в пакет или вы сразу наденете?

Би вспыхнула от смущения и опустила глаза.

— Я не понимаю, почему... почему вы так поступаете, — пробормотала она.

Жанна вновь аккуратно накинула плащ ей на плечи.

— Вы так одеваетесь, так опускаете голову... Думаю, вы пытаетесь спрятаться. Только в этом плаще...

Би взглянула женщине в глаза.

— В этом плаще... что?

Уголки губ Жанны изогнулись в едва заметной усмешке.

— В этом плаще вы становитесь той, на кого нельзя не смотреть.